

Клюкина Людмила Александровна

ПОНЯТИЕ "ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ" В КОНТЕКСТЕ СТРУКТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

В статье анализируются основные интерпретации понятия "петербургский текст" в контексте структурно-семиотического подхода в отечественной философии XX в. Особое внимание автор акцентирует на такой характерной особенности "петербургского текста" как амбивалентность. Амбивалентность в контексте структурно-семиотического подхода понимается методологическим принципом и приемом саморефлексии петербургской культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/10-3/21.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. III. С. 83-87. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

TRANSFORMATION OF SOCIAL NORM IN THE CONDITIONS OF BIOTECHNOLOGIES PROGRESS

Kamaliyeva Irina Rinatovna, Ph. D. in Philosophy
Chelyabinsk State University
irina.kamaliyeva@yandex.ru

The article examines the problem of the transformation of social norm in the conditions of the growing introduction of biology achievements into medicine. As a result of the progressing use of biotechnologies, which can change ideas about the reproductive capacities of the human, the substitution of the spheres of the moral and religious norms of society by legal norm takes place. The author expresses the opinion that it is necessary to study the problem of keeping balance between the legal and moral regulation of social norm to avoid the dehumanization and demoralization of human society.

Key words and phrases: social norm; moral norm; legal norm; religious norm; biotechnology.

УДК 130.2

Философские науки

В статье анализируются основные интерпретации понятия «петербургский текст» в контексте структурно-семиотического подхода в отечественной философии XX в. Особое внимание автор акцентирует на такой характерной особенности «петербургского текста» как амбивалентность. Амбивалентность в контексте структурно-семиотического подхода понимается методологическим принципом и приемом саморефлексии петербургской культуры.

Ключевые слова и фразы: «петербургский текст»; «метафизика Петербурга»; амбивалентность; структура сознания; семиотический подход; феноменологический подход.

Клюкина Людмила Александровна, д. филос. н.
Петрозаводский государственный университет
klyukina-la77@yandex.ru

**ПОНЯТИЕ «ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ»
В КОНТЕКСТЕ СТРУКТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОДХОДА©**

«Петербургский текст» – это особое уникальное явление русской культуры, аналогов которому не найти. «Петербургский текст» представляет собой корпус текстов, прежде всего, литературных, в которых описывается восприятие символического пространства, порожденного петербургской архитектурной средой XVIII-XIX вв., а также осмысливается судьба русского человека и самой России в созданной Петром I империи. Одним из первых, кто назвал символическое пространство Санкт-Петербурга «исторической душой», отражающей историю самосознания русской культуры в архитектурных образах, был исследователь петербургской культуры Н. П. Анциферов [2]. Анциферов выявил образы Петербурга в литературных текстах XVIII-XIX вв. и сделал вывод о двойственном восприятии города писателями. Петербург в разное время воспринимался ими то оплотом империализма, то центром просвещения и цивилизации. Однако Анциферов придерживался мысли о до конца «непостижимой душе» Петербурга, что стало поводом для развития темы «Метафизики Петербурга» в отечественной философии.

После работ Анциферова в отечественной гуманитарной науке XX века складывается традиция описания образа Петербурга на особом языке, представляющем собой синтез «психологических» моментов и способов их описания. Данный синтез становится возможным для исследования в результате введения В. Н. Топоровым в научный оборот понятия «Петербургский текст». «Петербургский текст», с точки зрения Топорова, является критерием понимания и существования образа Петербурга. В своих работах исследователь раскрывает содержание этого понятия. Среди основных признаков «Петербургского текста» он выделяет следующие: 1) «Петербургский текст» – это «синтетический свертхтекст, с которым связываются высшие смыслы и цели» [9, с. 13]; 2) единство «Петербургского текста» задается смысловой установкой – идеей нравственного спасения, духовного возрождения в условиях, когда жизнь гибнет в царстве смерти, а ложь и зло торжествуют над истиной и добром [Там же, с. 17]; 3) «Петербургский текст» включает в себя в качестве субстратных элементы, относящиеся к материально-культурной сфере – планировку, характер застройки, дома, улицы и т.п. [Там же, с. 20]; 4) «Особое значение для П. текста имеет субстрат духовно-культурной сферы – мифы и предания, дивинации и пророчества, литературные произведения и памятники искусств, философские, социальные и религиозные идеи, фигуры петербургского периода русской истории и литературные персонажи, все варианты спиритуализации и очеловечивания города» [Там же, с. 22]; 5) «Образ П. в П. тексте во многом строится как мифологизированная антимодель Москвы» [Там же, с. 11]; 6) в основе П. текста лежит глубокая структура, «которую можно назвать сакральной в том смысле, что она задает новое по сравнению с обычным (профаническим) опытом членения

пространства, времени, новые типы соотношения между причиной и следствием и т.п.» [Там же, с. 23]. С точки зрения Топорова, смысл этой структуры можно понять как противостояние культуры и природы. Петербург «как великий город оказывается не результатом победы, полного торжества культуры над природой, а местом, где воплощается, разыгрывается, реализуется двоевластие природы и культуры» [Там же]. Вместе с тем Топоров замечает, что «П. текст – понятие относительное и меняющее свой объем в зависимости от целей, которые преследуются при операционном использовании этого понятия» [Там же, с. 18].

Работы Топорова положили начало традиции исследования петербургской культуры в контексте структурно-семиотического подхода. Исследователи создавали амбивалентную структуру сознания, приурочив функцию к структуре, представили структуру иерархически, показали, что бинарная модель, возникнув как социальная (как результат коллективных представлений), может затем использоваться в качестве инструмента классификации и анализа. Среди оппозиций, предложенных исследователями, интерес представляют следующие: природы и культуры, религии и просвещения, государства церковного и светского, жизни и смерти, варварства и цивилизации, разума и безумия, тотальности власти и свободы творчества. В зависимости от точки зрения на историю России, одна часть пары отождествлялась с истинностью, а вторая – со всем неправильным, и наоборот.

Данные оппозиции в исследовательской литературе возникали не случайно, а являлись результатом личного осмысления исследователем проблем отечественной культуры того или иного периода. Хотя позиция автора, использующего структурно-семиотический подход, явно прослеживалась в качестве одного из полюсов оппозиции, голос автора не доминировал, а был частью диалога, раскрывающего основные противоречия эпохи. В этой связи целью данной статьи является анализ концепций отечественных мыслителей, выявляющих значимые исторические смыслы той или иной эпохи посредством переосмысления понятия «Петербургский текст» в контексте структурно-семиотического подхода.

Целостная «петербургская картина мира» дана Ю. М. Лотманом в его трудах, а также в его совместных работах с другими представителями московско-тартуской семиотической школы 60-70-х гг. XX в. Источником петербургской культуры Лотман считает петербургскую литературу XIX в., выросшую из петербургского фольклора и мифологии [6, с. 36]. Основу петербургских мифов составляли народные слухи, байки, анекдоты, «страшные» рассказы, возникающие из переживаний населения неблагоприятных природных условий, характерных для петербургской местности, и из непривычных шокирующих впечатлений, которые вызывала петербургская архитектура XVIII в. Поэтому, с точки зрения Лотмана, при изучении петербургской культуры целесообразно обратиться к двум темам: «город как пространство», что предполагало изучение особенностей архитектоники культурного ландшафта, и «город как имя», что предполагало изучение символического пространства, конструируемого в XVIII-XIX вв. императорской властью. Тема «город как пространство» рассматривается Лотманом в следующих аспектах. В отличие от других столичных городов, Петербург строится недалеко от государственной границы, что является нелогичным и противоестественным, так как столица должна быть сосредоточением основных ресурсов государства и должна располагаться в безопасном месте. Мысль о безопорности и неукорененности Петербурга стала основой различных эсхатологических мифов, предсказывающих гибель города в результате стихийного бедствия. В свете данной мифологии смысл существования Петербурга виделся в борьбе культуры и природы [Там же, с. 32-33]. Расположение на границе, по мнению Лотмана, могло также интерпретироваться как имперские претензии Петра I на основание нового мира, новой традиции, о чем красноречиво говорила петербургская архитектура. Архитектура новой столицы наделяется Лотманом чертами «искусственности», призрачности, театральности [Там же, с. 37-39]. Ощущение декорации вызывала «уникальная выдержанность огромных ансамблей, не распадаящаяся, как в городах с длительной историей, на участки разновременной застройки» [Там же, с. 39]. При созерцании архитектурных ансамблей Петербурга возникала мысль об одновременном творении их одним великим создателем по одному плану. Петербургская культура как бы конструировала позицию внешнего наблюдателя на самое себя [Там же, с. 37]. Для иностранцев он выглядел как «Азия в Европе», для русских – как «Европа в России». Так как Петербург не имел точки зрения на себя, он вынужден был постоянно конструировать себе зрителя, которого как бы не следует замечать. Как отмечает Лотман, все петербургское пространство, в зависимости от мировоззрения зрителя, делилось на «сценическую» и «закулисную» части [Там же, с. 39]. Причем эти части в сознании разных зрителей, в зависимости от их отношения к истории России, занимали противоположные позиции. Поэтому Лотман называет пространство Петербурга «перевернутым миром», созданным под влиянием европейской культуры барокко [Там же, с. 34]. Создавая новую столицу на окраине, Петр I присвоил городу «экзистенциальный код: существующее объявляется несуществующим, а то, что еще должно появиться, – единственным истинно-сущим» [Там же, с. 31]. Несмотря на то что замысел Петра I предполагал строгую выдержанность в единой системе семиотики, Петр I использовал для интерпретации новой традиции не код культуры Просвещения, который предполагал иную трактовку природы власти, а код русской средневековой культуры, что хорошо показано в исследовании Лотмана и Успенского, посвященном теме «город как имя» [7].

Лотман и Успенский, исследуя семиотические аспекты идеологии петровской эпохи, показали ее связь с теократической концепцией XV-XVI вв. «Москва – Третий Рим». Осуществив семиотический анализ наименования нового титула правителя, названия столицы и изображения ее герба, исследователи показали, что из двух тенденций, составляющих идею «Москвы – Третьего Рима» – религиозной и политической – Петр I избирает вторую [Там же, с. 237]. Об ориентации на государственный, «императорский» Рим свидетельствует принятие Петром I в 1721 году титула императора, который на языке того времени понимался в качестве антонима по отношению к титулу «царь», хотя эти слова имели общее происхождение [Там же]. Вместе с тем Петербург как бы замещает Москву и становится главным святым городом России. Эта идея усматривается Лотманом

и Успенским в возможности двойного прочтения названия города, что также соответствует культуре барокко. «Если немецкое название “Sankt Petersburg” грамматически передает притяжательность и соответственно переводится как “город святого Петра”, то принятое в России название “Санкт-Петербург” (с утратой possessивной частицы -s) затемняет это значение и может восприниматься как “святой город Петра”» [Там же, с. 240]. На многочисленных примерах исследователи показывают, что храмы, построенные Петром I, прямо или косвенно прославляют его самого или его дело. Это означало, что святость Петербурга заключалась в его государственности [Там же, с. 241]. При Петре «государственная служба превращается в служение Отечеству и одновременно ведущее к спасению души поклонение Богу» [Там же]. Словесному выражению этой идеи соответствовало визуальное выражение, воплощенное в гербе города. Герб Петербурга содержал в себе трансформированные мотивы герба города Рима (Ватикана). «Так, переключенным ключом в гербе Ватикана соответствуют переключенные же якоря в гербе Петербурга; расположение якорей лапами вверх отчетливо выдает их происхождение – ключи в гербе римского папы также повернуты бородами вверх» [Там же, с. 239]. В культуре барокко якорь означал символ спасения и веры, одновременно метонимически якорь обозначал флот, который можно было трактовать как ключ к спасению и вере [Там же, с. 239-240]. Использование символа «Третьего Рима» в контексте культуры барокко привело к соединению в образе Петербурга двух архетипов, что превратило его в город контрастов. С одной стороны, Петербург трактовался как «парадиз», утопия идеального города будущего, воплощение Разума, с другой стороны – как злобещий маскарад Антихриста [6, с. 34]. Такой семиотический полиглолизм, с точки зрения Лотмана, стал почвой для исключительно интенсивной интеллектуальной жизни. Поэтому «Петербург по праву может считаться уникальным явлением в мировой цивилизации» [Там же, с. 45], а также одним из национальных завоеваний духовной жизни России.

Представители московско-тартуской школы обозначали проблему, от решения которой зависело понимание образа Петербурга и петербургской философии. Суть этой проблемы заключалась в борьбе между Петербургом-художественным текстом и Петербургом-метаязыком. В послевоенный советский период на решение этой проблемы повлияла позиция известного петербургского философа М. С. Кагана. В своем фундаментальном труде «Град Петров в истории русской культуры» Каган изучает данную проблему в контексте исторического подхода. Соглашаясь с тезисом о том, что Петербург является городом контрастов, Каган считает, что в истории Петербурга различных периодов можно выделить одну доминирующую тенденцию, направленную на превращение Петербурга в культурную столицу и центр просвещения. Особую роль в этом процессе сыграла петербургская творческая интеллигенция различных периодов, основной чертой которой была толерантность, терпимость к инакомыслию, готовность к диалогу [3, с. 304].

Во второй половине XX века к теме амбивалентного образа Петербурга с позиции феноменологического подхода обращается петербургский философ М. С. Уваров. В основе метафизического ландшафта Петербурга, согласно Уварову, лежит антитеза жизни и смерти, покаяния и непокаяния, причем тема смерти явно доминирует [10, с. 147]. Эта тема прослеживается философом как в иррадиальной геометрической архитектуре, исключая идею «вечного возвращения», т.е. идею бессмертия, так и в различных аллюзиях и недомолвках, скрытых в ней и нарушающих ее совершенный образ, придающих ей черты призрачности, «гномичности» [Там же, с. 149-150]. Особой темой, по мысли Уварова, является заложенная в камне смерть создателя города Петра I и его наследников, включая Павла I. Петербург, основанный как город св. Петра и освященный под сенью собора св. апостолов Петра и Павла, в конечном счете лишается реальных монархов, носящих те же имена. Возникает, с точки зрения исследователя, очевидное «гномическое пространство»: «существует город, из которого насильственно изъят его символический “код”» [Там же, с. 169]. С точки зрения Уварова, даже снятие блокады Ленинграда в XX в. не изменило эту ситуацию. Весь XX век власть относилась к Петербургу как провинциальному, вторичному городу. В ситуации постмодернизма за городом закрепляется образ «музея под открытым небом», «текста русской культуры», что также оценивается обществом как вторичное, безжизненное. В этой связи Уваров считает актуальным занятием опыт петербургской танатологии, который учит читать «текст смерти» как одну из возможностей возвращения к «феномену человека», к человеческому бытию как присутствию [11, с. 134-135].

В конце XX века у исследователей петербургской культуры снова возникает интерес к идее амбивалентности Петербурга, однако, как правило, акцент исследователями ставится на одной из оппозиций, что было связано с такой особенностью постмодернистской ситуации в культуре как рефлексивность. Так, В. В. Прозерский рассматривает историю Петербурга как движение от тоталитаризма власти к постепенной демократизации общества [8]. В. К. Кантор в образе Петербурга видит реализацию идеи перехода от варварства к цивилизации [4]. А. К. Секацкий в условиях технизации города обращает внимание на неблагоприятные экологические факторы, влияющие на появление шизо-пролетариата, городских сумасшедших. Вместе с тем Секацкий считает, что символическое пространство Петербурга даже в таких условиях является первичным и доминирующим, поэтому именно в Петербурге он предсказывает появление нового антропологического типа арт-пролетариата, способного создать новую культуру, отвечающую на вызовы XXI века [1].

Используя семиотический и феноменологический подходы как взаимодополнительные при исследовании феноменов петербургской культуры, автор данной статьи делает вывод, что «петербургский текст» с разных позиций может читаться как «жизнь в тексте» и «текст как жизнь». В контексте семиотического подхода «петербургский текст» читается как «текст власти», имперский текст. Начиная с XVIII века в архитектуре Петербурга использовалось очень много «значимых» объектов, символизирующих идею тотальности власти. Петр I издавал различные словари символов европейской культуры с целью адекватного идеологического понимания архитектурных элементов и скульптурных украшений зданий и парков, а также различные инструкции,

формирующие «правильное» отношение к различным аспектам жизни. В этой связи культуру петровской эпохи можно назвать тотальной, созданной властью с целью предельной семиотизации действительности. В контексте феноменологического подхода автор данной статьи усматривает в «петербургском тексте» идею связи экзистенции с трансценденцией или «вопрос о Ничто» (М. Хайдеггер). «Выдвинутые в пустоту петербургские здания демонстрировали выдвинутость и инкорпорированность человеческого бытия в Ничто, в каком-то смысле его трансцендируя. Петербургская архитектура вынуждала человека к тому, чтобы он выходил за свои пределы и пределы сущего. Но это было совершенно немислимо для русского самосознания, ориентированного, прежде всего, на ценности “внутреннего смысла”, когда оно осмысливало себя в пространстве между двумя оппозициями “священного” и “профанного”, между Правдой и Кривдой. Человек испытывал ужас перед петербургскими проспектами, которые словно уходили в своих концах в метафизику, он испытывал ужас перед пустотой, отнимающей у него смысл и веру в абсолютное» [5, с. 163]. Понимание данной идеи предполагало мыслительную технику, различающую позиции носителя и наблюдателя культуры, что было исключено в условиях имперской культуры. Хотя содержание «петербургского текста» формировалось на основе уникальной петербургской мифологии, при создании его формы использовался характерный для традиционной русской культуры способ смыслополагания. Православная традиция усваивалась в русской культуре на основе мифа о борьбе добра и зла, «Правды» и «Кривды». В западной богословской традиции существовало представление об иерархическом устройстве сущего, начинающемся с нематериального Бога и нисходящим к недуховной материи, что отражалось в системе категорий. В ментальности русского народа бинарная оппозиция снималась посредством введения идеи-медиатора, каковой являлась идея одухотворения жизни в русской религиозной живописи XIV-XVI вв. («умозрение в красках» Е. Трубецкой), а также идея освящения власти, выраженная в концепции «Москва – Третий Рим». Такой способ мышления можно назвать эстетическим и символическим. Особенностью этого способа мышления являлась способность одновременно отождествлять и различать смысл и способ его понимания, что было возможно при обращении к идее культа. В имперской культуре идея культа вытесняется идеей империи. Театральное пространство Петербурга формировало в сознании созерцающего его человека мысль, что он одновременно является и зрителем, и участником представления, т.е. может находиться как бы на границе. В «Петербургском тексте» позиция носителя культуры локализуется на стороне ее адресата, одновременно аффективно воспринимающего символическое пространство Петербурга и рефлексивно понимающего увиденное. Но так как рефлексивное мышление в русской культуре не было развито, место наблюдателя в «петербургском тексте» XVIII-XIX вв. замещалось понятием «чужое», существование которого с одной точки зрения отрицалось, с другой – использовалось как граница для обособления «своего» [6, с. 41]. Для преодоления данной антиномии требовались другие исторические условия: демократизация общества и культура, основанная на идее саморазвития, самотрансценденции, в контексте которой мысль понимается способом развертывания человеческого бытия в культуре.

Таким образом, понятие «Петербургский текст» обладает большим эвристическим потенциалом, создающим возможности для изучения не только ключевых проблем петербургской культуры, но и отечественной культуры в целом. Понятие «Петербургский текст» позволило создать методологическую позицию, посредством которой можно было осуществлять смещения от процесса описания петербургской культуры к выявлению основ самого акта описания, что по сути являлось эстетическим действием. Такая характерная особенность «петербургского текста», как амбивалентность в контексте структурно-семиотического подхода становится методологическим принципом и приемом. В текстах исследователей разных лет, использующих данную методологию, представлен процесс структурирования и самоописания петербургской культуры в контексте динамики внутреннего развития позиции наблюдателя культуры, обусловленного изменением ее локализации в системах коммуникации и общения. Поэтому работы этих исследователей «Петербургского текста» также можно включить в понятие «Петербургский текст», в этой ситуации граница между метаязыком и художественным текстом петербургской культуры остается размытой.

Список литературы

1. **Александр Секацкий о метафизике Петербурга** [Электронный ресурс]. URL: <http://hghltd.yandex.net/yandbmt?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fvertinsky-v.livejournal.com%2F101600.html&tld=ru&lang=ru&la=1375848320&tm=1441226601&text=Александр%20Секацкий%20о%20метафизике%20Петербурга&l10n=ru&mime=html&sign=8c204af4aa959d31243ebaaca2bbc51&keyno=0> (дата обращения: 10.07.2015).
2. **Анциферов Н. П.** «Непостижимый город...». Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина. СПб.: Лениздат, 1991. 227 с.
3. **Каган М. С.** Град Петров в истории русской культуры. СПб.: Славия, 1996. 407 с.
4. **Кантор В. К.** Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М.: РОССПЭН, 2008. 542 с.
5. **Клюкина Л. А.** Формирование и функционирование имперского сознания в русской культуре: опыт феноменологического прочтения. СПб.: Изд-во С.-Петерб. филос. общества, 2009. 251 с.
6. **Лотман Ю. М.** Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры: Петербург / Тартуский государственный университет. Тарту, 1984. Вып. 664. С. 30-45.
7. **Лотман Ю. М., Успенский Б. А.** Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого (к проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Художественный язык Средневековья / отв. ред. В. А. Карпушин. М., 1982. С. 236-249.
8. **Прозерский В. В.** Философско-исторический подход к культуре Санкт-Петербурга // Studia Culturae. 2010. № 10. С. 34-48.

9. **Топоров В. Н.** Петербург и петербургский текст русской культуры // Семиотика города и городской культуры: Петербург / Тартуский государственный университет. Тарту, 1984. Вып. 664. С. 4-29.
10. **Уваров М. С.** Архитектоника исповедального слова. СПб.: Алетейя, 1998. 256 с.
11. **Уваров М. С.** Поэтика Петербурга: очерки по философии культуры. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. 252 с.

NOTION "PETERSBURG TEXT" IN THE CONTEXT OF STRUCTURAL AND SEMIOTIC APPROACH

Klyukina Lyudmila Aleksandrovna, Doctor in Philosophy
Petrozavodsk State University
klyukina-la77@yandex.ru

The article analyses the main interpretations of the notion "Petersburg text" in the context of structural and semiotic approach in the native philosophy of the XX century. The author pays special attention to such characteristic feature of "Petersburg text" as ambivalence. Ambivalence in the context of structural and semiotic approach is understood by methodological principle and the technique of the self-reflection of Petersburg culture.

Key words and phrases: "Petersburg text"; "metaphysics of Petersburg"; ambivalence; structure of consciousness; semiotic approach; phenomenological approach.

УДК 377

Исторические науки и археология

В статье рассмотрен комплекс законодательных актов, определявших развитие системы народного просвещения в Кавказском учебном округе в 40-70-х гг. XIX в. Проанализирована их связь с общероссийскими установлениями для российских учебных заведений среднего и начального уровней. Показано развитие тенденции интеграции кавказской школы в общегосударственное образовательное пространство, но с учетом в ряде случаев местных особенностей и потребностей социально-экономического развития региона.

Ключевые слова и фразы: образовательная политика; законодательство; кавказская школа; интеграция; система народного просвещения.

Кобахидзе Елена Исааковна, д.и.н., доцент

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева
Владикавказского научного центра Российской академии наук
и Правительства Республики Северная Осетия-Алания
elena_k11@mail.ru*

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО 1840-1870-Х ГГ. В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ КАВКАЗСКОЙ ШКОЛЫ В РОССИЙСКУЮ СИСТЕМУ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ©

Сложные и противоречивые процессы включения кавказской окраины в Российское государство протекали под знаком распространения «гражданственности» и «начал цивилизации» среди местных народов. Особая роль в этом изначально отводилась школе. Первые спонтанные шаги в формировании учебного дела на Кавказе связывались преимущественно с христианизацией местного населения. Миссионерская и образовательная деятельность Осетинской духовной комиссии (1745) содействовала развитию политических и культурных связей Кавказа с Российской империей.

Укрепление политических позиций империи в регионе сопровождалось формированием административного аппарата, что ставило вопрос о кадрах чиновников и, соответственно, создании в крае светской школы. Открытие в 1811 г. уездного училища в Ставрополе, преобразованного затем в гимназию, частично разрешало эту проблему. Однако начало становления системы образования в регионе связывается с принятием «Положения о Закавказских училищах» в августе 1829 г. [9]. Новые учебные заведения (Тифлисская гимназия и уездные училища в Грузии и Армянской области) предназначались для образования детей местной знати и чиновничества, из которых формировался контингент местной бюрократии.

В условиях Кавказской войны требования к образованию в регионе значительно повысились. Кроме выполнения собственно просветительских функций оно должно было эффективно противостоять мусульманскому влиянию в крае и в то же время пропагандировать идеи российской государственности в местной среде. С приходом на Кавказ М. С. Воронцова и учреждением Кавказского наместничества правительственная политика в сфере образования обрела внутреннюю целостность. Прежде всего, был решен вопрос о введении единообразия в порядок управления учебной частью на Кавказе и приведении его в соответствие с общероссийским. Утвержденное 18 декабря 1848 г. «Положение о Кавказском учебном округе» [10] учреждало отдельную структуру, объединившую в административном отношении все учебные заведения Кавказа и находившуюся в непосредственном ведении наместника. Положение расширяло учебные программы гимназического курса и предусматривало также увеличение количества уездных и приходских училищ.

© Кобахидзе Е. И., 2015